

**ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

На правах рукописи

БЕМБЕЕВ Евгений Владимирович

**Лингвистическое описание памятника старокалмыцкой
(ойратской) письменности: *«Сказание о хождении в
Тибетскую страну Малодербетовского Бааза-бакши».***

**Специальность: 10.02.02 – языки народов Российской Федерации
(монгольские языки, калмыцкий язык)**

**Автореферат
диссертации на соискание
ученой степени кандидата филологических наук**

Москва 2004

Работа выполнена в Отделе урало-алтайских языков Института языкознания РАН

Научный руководитель -

доктор филологических наук,
профессор Г.Ц. Пюрбеев

Официальные оппоненты -

доктор филологических наук,
профессор Д.М. Насилов

кандидат филологических наук,
доцент Б.В. Бадмаев

Ведущая организация -

Калмыцкий институт гуманитарных
исследований РАН

Защита состоится «16» сентября 2005 г в 13 часов
на заседании Диссертационного совета Д-002.006 01 по защите диссертаций на
соискание ученой степени доктора наук в Институте языкознания РАН по адресу:
125009, Москва, К-9, Большой Кисловский переулок 1/12

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института языкознания РАН

Автореферат разослан _____ 200

Ученый секретарь

диссертационного совета,
доктор филологических наук

А.А. Чеченов

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Как известно, история языка состоит из двух основных дисциплин — исторической грамматики и истории литературного языка. Первая из них, имеющая условное название, включает в себя и историческую фонетику с морфологией и синтаксисом и историческую лексикологию с рядом специальных дисциплин (этимология, семасиология и т.д.). Вторая рассматривает эволюцию письменно-литературного языка, начиная с первых попыток применения письменности, через этапы развития старописьменного (книжного) языка разных эпох, вплоть до сложения современного литературного языка в его общенародно-разговорной и письменно-литературной формах существования. Для исследования проблем исторической грамматики основными источниками являются письменно-литературные памятники разных эпох и периодов, разных жанров и стилей, а также источники народно-разговорного статуса и характера.

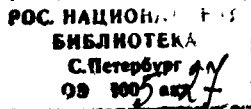
В современной монголистике лингвистическое источниковедение представляется одним из самых перспективных направлений. В связи с этим Г.Д. Санжеев отмечал: «последующая работа в области монгольского сравнительного и исторического языкознания должна идти в следующих направлениях: во-первых, следует продолжить исследование диалектов и говоров монгольских языков, во-вторых, необходимо значительно расширить углубленное изучение письменных памятников монгольских языков, не ограничиваясь здесь лишь публикацией источников» [Санжеев, 1963, с. 3-4].

Углубленное изучение калмыцкого языка в диахроническом аспекте предполагает, в недалеком будущем, создание фундаментальных работ по исторической грамматике и истории литературного калмыцкого языка. Для этого хорошей предпосылкой являются исследования ученых, вышедшие за последнее десятилетие [Яхонтова, 1996; Бадмаев, 2001; Асирова, 2002; Сусеева, 2003].

Актуальность предпринятого исследования обусловлена исключительной важностью расширения аспектов изучения старокалмыцких (ойратских) письменных памятников и необходимостью их углубленного лингвистического анализа.

Цель и задачи исследования. Целью работы является монографическое исследование языка старокалмыцкого (ойратского) письменного памятника 19 века — «Сказание о хождении в Тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши», который до настоящего времени не был предметом специального изучения, и определение его места в письменной традиции монгольских народов.

Исходя из указанной цели, в диссертации ставились следующие конкретные

задачи:

-охарактеризовать особенности жанра путешествия в калмыцкой литературе и показать специфику исследуемого источника;

-изучить на основе анализа графем-гласных и согласных графо-фонетическую структуру памятника,

-дать полное описание его грамматического строя;

-выделить соответствующие части речи (знаменательные и служебные) и проанализировать их в категориальном и функционально-семантическом отношении,

-сопоставить выявленные в языке изучаемого памятника грамматические формы и их значения с данными современного калмыцкого языка и частично с показаниями памятников ойратской письменности 17-18 веков,

-рассмотреть характер лексического состава памятника и установить основные тематические группы слов, в том числе и заимствования,

Материал исследования. Фактическим материалом для нашего исследования послужило фототипическое издание текста на старокалмыцкой письменности «Тодо бичиг», который в 1897 году опубликовал с переводом и комментариями профессор Санкт-Петербургского университета А.М. Позднеев под названием «Сказание о хождении в Тибетскую страну малодербетовского Бааз-бакши»

Научная новизна данной работы заключается в том, что впервые в монголоведении предпринята попытка специального лингвистического исследования памятника старокалмыцкой (ойратской) письменности, представляющего собой оригинальный жанр хождений в калмыцкой литературе. В связи с чем в научный оборот вводятся новые материалы, касающиеся особенностей калмыцкого языка определенного исторического периода – конца XIX века. Это дает возможность проследить фонетическое и грамматическое развитие старокалмыцкого (ойратского) письменного языка с момента его образования до современности, уточнить ранее бытовавшие в нем формы, установить линию их развития и преемственность, показать своеобразие лексико-семантических процессов и характер заимствований.

Методы исследования. Основными методами исследования являются сравнительно-сопоставительный, историко-сравнительный, описательно-аналитический, включая наблюдение, сопоставление, описание и обобщение.

Исследование материала диссертации основано на подходе к анализу языковых явлений с позиций теоретических и методологических положений общей лингвистики.

Теоретическая и практическая значимость проведенного диссертационного исследования состоит в том, что его научные результаты могут быть использованы при

тальнойшей разработке проблем исторической грамматики, истории литературного калмыцкого языка и калмыцкой филологии в целом.

Кроме того, выводы и наблюдения автора, а также фактические данные могут быть использованы при сравнительно-историческом изучении языков и письменностей монгольских народов, в решении некоторых теоретических проблем монголоведения и алтаистики, в частности при периодизации истории языков алтайской общности, их генетической и типологической классификации, установлении этнокультурных связей и лингвистических контактов народов Евразии.

Материалы диссертации найдут применение в калмыцкой лексикографии (в частности при составлении нового Калмыцко-русского словаря) и лексикологии, при разработке вузовских курсов лекций по данным дисциплинам, создание учебных пособий по старописьменному калмыцкому языку

Апробация работы. Основное содержание исследования отражено в материалах международных, всероссийских и региональных научных и научно-практических конференций Молодежной научно-практической конференции (Элиста, 2002), Международной конференции «Монголоведение в новом тысячелетии». (Элиста, 2003), Конференции молодых научных сотрудников и аспирантов Института языкознания РАН (Москва, 2003), Международной летней школы молодых монголоведов (Улан-Батор, 2004), Всероссийской научной конференции «Проблемы этнокультурных связей монгольских и тюркских народов» (Улан-Удэ, 2004)

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы (140 названий) и двух приложений: индекса словоформ и латинской транслитерации фототипического издания текста памятника на «Тодо бичиг» (Ясгом письме) Общий объем диссертации составляет 243 страницы.

Содержание работы

Во **введении** сформулированы цели и задачи работы, обоснована актуальность, научная новизна и практическая значимость исследования, определена методика исследования, дана характеристика используемого материала.

В первом параграфе «**Особенности жанра путешествия в калмыцкой литературе**» рассматриваются общие и специфические особенности, обусловившие своеобразие жанра путешествий в калмыцкой литературе.

Издавна особое место в литературном процессе занимали произведения,

являющиеся плодом наблюдений, размышлений и анализа увиденного в путешествиях по родной земле или за ее рубежами. В средневековой литературе монгольских народов подобные произведения также имели место, широко и разнообразно рассказывающие об «увиденном и услышанном» в дороге¹. Примечательно, что такие описания практически не известны собственно монгольской письменной словесности, но составляют один из немногих жанров оригинальной письменной литературы ойрат-калмыков и бурят.

Отличительной чертой «путешествий», «хождений» от произведений других жанров является многоплановость собранного автором материала, широта и богатство которого и служат ему опорой для обобщений, выводов, сравнений. Для них характерны следующие основные общие черты: а) автор-герой, с определенным складом мыслей, своим видением мира; б) многоплановость собранного автором материала, в) связь с современностью; г) маршрут путешествия.

Но, при одинаково общем принципе построения произведений в жанре путевых записей, в каждом из них есть свое, авторское строение, определяющееся национально-конфессиональными особенностями, художественной выразительностью и индивидуальной манерой писателя.

Ярким образцом описания путешествия в калмыцкой литературе является «Хождение» Малодербетовского Бааза-багши. Условно, в произведении можно выделить три части: вступительную, основную и заключительную.

Во вступительной части говорится о причинах, побудивших Бааза-багши предпринять столь длительное путешествие и о целях, которые он поставил перед собой.

К основной части, которая занимает большую часть произведения, мы относим непосредственно описание самого путешествия. С точки зрения композиционного строения материала, необходимо подчеркнуть, что помимо сообщений о реальных географических пунктах, попадавших на пути, выделяются группы кратких сведений, непосредственно привязанных к этим местам, а также лирические отступления в виде развернутых рассказов, легенд, сказаний, почерпнутые из устных или письменных источников.

В заключительной части прослеживаются традиционные для ойрат-калмыцкой литературы признаки, обусловленные наличием колофона-благопожелания, указанием имени автора и времени создания сочинения.

Анализ произведения показывает, что своеобразие жанра хождений калмыцкой

¹ А. В. Бадмаев. О жанре хождений (описание путешествий) калмыцкой литературы – Ученые записки КНИИЯЛИ, 1973. Выпуск XI. Ц. А. Дугар-Нимаев. О жанре хождений в бурятской литературе 19 века – В кн. Проблемы алтаистики и тунголоведения. Вып. 1. Элиста, 1974. Б. Лауфер. Очерк монгольской литературы. Пер. В. А. Казакевича под ред. и с пред. Б. Я. Владимирцова. Л., 1927, стр. 51.

литературы связано с особенностями мастерства автора, с манерой повествования, со стилем изложения, с той формой, которая избирается им для наиболее полного претворения замысла, а также с традициями композиционного строения, которые закладывались и оттачивались на протяжении всего литературного процесса.

Во втором параграфе «**Биография и духовная деятельность Бааза-багши**» даются краткие сведения о жизни и деятельности автора исследуемого произведения

В калмыковедной литературе его обычно представляют как путешественника, совершившего путешествие в центр ламаистов всего мира и составившего после этого краткое описание своего паломничества. Несомненно, посещение Б. Менкеджуевым Тибета сделало его известным и уважаемым человеком. В духовной карьере он достиг ранга старшего багши – «ах багши». Однако, в народной памяти он остался прежде всего как выдающийся представитель калмыцкого духовенства, ревностно проповедовавшего учение Будды, а также как известный для своего времени общественный деятель.

Например, в «Отчете Русского географического общества за 1903 год» он называется членом - сотрудником. Бааза-багши активно принимал участие в выставке «Исторические и современные костюмы», которая проходила в 1902 году в Таврическом дворце Санкт-Петербурга. Туда им были отправлены личные вещи: шапка гебко, халат гебко, кумачовый пояс «оркомджи», танку Бурхан-багши, молитвенник «Дорджи Джодва» (Алмазная сутра). После окончания выставки многие свои экспонаты он пожертвовал Русскому музею, за что был награжден серебряной медалью «За усердие».

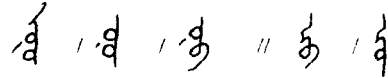
Он встречался с видными учеными. Так несколько раз в гостях у него был известный востоковед Г. Рамстедт, посетивший Калмыкию с научной целью.

В параграфе «**Специфика исследуемого источника**» рассматриваются палеографические особенности текста памятника. Оригинал рукописи, которую в октябре 1893 года составил Бааза Менкеджуев, возвратившись после паломничества в Тибет, до сих пор не обнаружен. Рукопись, как только она была закончена, была приобретена профессором А.М. Поздневым, который опубликовал ее с переводом и комментариями буквально через год под названием «Сказание о хождении в Тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши». Факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета счел необходимым даже посвятить это издание XI международному съезду ориенталистов в Париже. Это издание состоит из 278 страниц. Предисловие состоит из 18 страниц. Пагинация римскими цифрами, постраничная. Перевод занимает 130 страниц. Пагинация арабскими цифрами, общая, постраничная. Текст на «Тодо бичиг» занимает 120 страниц. Пагинация арабскими цифрами, общая, постраничная. 12 строк на странице, сверху вниз, слева направо. Материалом для

нашего исследования послужило именно это фототипическое издание текста на старокалмыцкой письменности «Тодо бичиг»

В Главе I «ФОНЕТИКА. Графо-фонетический анализ памятника» рассматривается графо-фонетическая система исследуемого памятника в сопоставлении с данными современного калмыцкого языка и частично с показаниями памятников ойратской письменности 17-18 веков

Система гласных звуков памятника письменности характеризуется теми же дифференциальными признаками, которые путем реконструкции были выделены в ойратском языке 17-го века профессором П.Ц. Биткеевым [Элиста, 1988, с. 3-8], впрочем, с некоторой оговоркой эти признаки свойственны и современному калмыцкому языку: 1) степень длительности /деление гласных на краткие (нормальные) и долгие. Причем к долгим относились и дифтонги/ Обращает на себя внимание явление перехода исторически долгих гласных в краткие и вызванное этим переходом количественное сокращение языка; 2) сингармоническая рядность /деление гласных по их участию в сингармонической рядности слова на твердоярдные, мягкоярдные и нейтральноярдные/; 3) огубленность-неогубленность; 4) степень подъема /при артикуляции/;

Двумя вариантами сочетаний графем (в транслитерации текста обозначены как *-uu-* и непоследовательно встречающиеся после аффрикат *-č-*, *-ž-*, а также после спиранта *-š-* вариант *-iu-*) передается звук [u] – долгий, лабиализованный гласный, верхнего подъема (узкий). В произведении встречается во всех позициях: *uulatu* «гористый», *quučin* «старый, давний», *tosuulči* «направлять для встречи», *orčiuula:či* «переводчик», *qabčiuula:d* «втиснув, пришемив», *yaduu* «бедность, беднота». В современном калмыцком языке фонема [u:] выступает в открытых непоследних слогах слов: *уух* «пить», *сууһ* «ведро», *босуһ* (бо-су-уһ) «поднимать»

Материалы текста показывают, что к концу 19-го столетия полностью завершился процесс перехода сочетаний *-ou-*, а в некоторых случаях и *-iu-* в долгий гласный [u]. Последовательно встречающееся в памятниках 17 – начала 18 веков сочетание *-ou-*, в исследуемом памятнике не отмечается. А непоследовательный характер употребления варианта *-iu-*, по нашему мнению, это дань традиции и способ разделить на письме систему обозначения фонем [z] и [ž], [c] и [č], которая к концу 19-го века не отвечала требованиям живого произношения. Как отмечает профессор Д. Павлов, «. существовавшая система передачи указанных фонем буквами *-c-*, *-z-* при сочетании с *-i-* исчерпала себя...» [Павлов, 2000, с. 115]. Вследствие чего мы встречаем варианты написаний *mongyolcuud* и *mongyolčiuud* «монголы», *umšuułzi* и *umšiułbai* «заставлять

прочитать» Эти различия ни что иное, как показатель фонетических изменений происходивших в живом калмыцком языке на рубеже 19-20 веков

Сочетание *-iu-* в словах *bariulži* «давать, делать подношение», *qariu* «назад» передает мягкорядный долгий гласный [ü:]. Он образовался благодаря перелому гласного [i], повлекшего за собой переход некоторых слов из исторически твердорядных в разряд мягкорядных. По мнению Д.А. Павлова, перелому гласного [i] обязан и процесс образования в живой речи калмыков двух новых мягкорядных гласных фонем [э:], (восходящая к двослогу *-ayi-* и дифтонгу *-ai*) и [э], (образованная влиянием гласного [i] непервого слога на гласный [a] предшествующего слога), который начался с середины 18-го века и полностью завершился к концу 19-го века [Павлов, 2000, с 117-118, 212]. На письме новые звуки не имели самостоятельных знаков, поэтому мы предполагаем, что сочетание *-iu-*, как один вариант, использовалось для обозначения предыдущей гласной фонемы [э] на письме

В фонетической системе калмыцкого языка к концу 19-го века произошли значительные изменения, в основе которых лежат редукция кратких (нормальных) гласных непервых слогов слова, переход исторически долгих гласных в краткие (нормальные) в непервых слогах и в односложных словах, которые обусловили, в свою очередь количественное сокращение языка, а также развитие дифтонгов в монофтонги. Эти процессы нашли свое отражение, в большей или меньшей степени, в тексте исследуемого памятника, созданного в духе своего времени. Артикуляторной и акустической неопределенностью во многом объясняется разноречивость в написании кратких гласных в непервых слогах слова *araki, ariki, arki* «молочная водка», *cuglaraži, cugtraži* «собираться, съезжаться», *büsedə:n, büsüde:n* «на своем ремне», *gertü, gerte* «в доме», *ilegebe, ilgebe* «отправил, послал»

Кроме этого, в исследуемом памятнике особенно обращает на себя внимание явление перехода исторически долгих гласных в разряд кратких (нормальных) в непервых слогах и в односложных словах, а также развитие дифтонгов (встречающихся в конечной позиции слова) в монофтонги (в долгие и краткие (нормальные) гласные). Например, варианты написаний *caḡa:n/caḡan* «белый», *uda:n/udan* «долго», *kün/küün* «человек», *barilda: barilda* «поединок, схватка», *cuḡariyigil/cuḡa:riyigi* «всех» дают возможность предположить, что к концу 19-го века живое произношение стремилось количественно сократить исторически долгие гласные, а, быть может, уже и не знало их

Процесс перехода дифтонгов, особенно, занимавших конечную позицию слова в долгие (и даже уже в краткие (нормальные)) монофтонги, также зафиксирован на страницах исследуемого памятника. Например, в тексте нашего письменного памятника

конца 19-го века, встречаются следующие формы: *yabula*; *yabulai* «ходил», *odba*, *odbai* «ушел»; *casla*; *caslai* «часов»; *bayiqula*, *bayiqula*: «ести будет», *bile*; *bilei* «ест, было», *bayina*, *bayinai* «ест, имеется». Здесь мы наблюдаем, что помимо письменных форм с долгими конечными гласным, развившихся из соответствующих дифтонгов, встречаются краткие (нормальные) гласные. Это указывает на то, что живое произношение конца 19-го века, последовательно сократив конечный долгий гласный, видимо, артикулирует его уже как краткий (нормальный).

ГЛАВА II. МОРФОЛОГИЯ. Общие замечания. Глава посвящена исследованию морфологического строя языка «Хождения». Сравнительному морфологическому анализу были подвергнуты все знаменательные части речи: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, а также послелоги и частицы.

В разделе «Существительное» рассматривается категория числа и система склонения. В «Хождении» средствами выражения категории множественности являются следующие показатели: *-d*, *-s*, *-muud/-müüd/-muus*, *-nar/-ner*, *-uud/-üüd*, *-cuud/-cuüd/-čiud*.

Вместе с тем в исследуемом тексте зарегистрировано несколько случаев употребления показателя множественности *nujuud* (в совр. калм. *-муд-мүд*), например *ta nujuud zamdu amur sayin irebüü* (79) «все ли вы благополучно дошли». Причем в памятнике также зафиксирован сингармонический вариант этого форманта – *nöğüüd* который возник, как нам представляется, в старописьменном калмыцком языке 18-го века, так как в письменных памятниках ойратского языка 17-го века «он не имеет сингармонических вариантов» [Яхонтова, 1996, с. 42], например *kölgön kümüsün nöğüüd beledger bayitala* (113) «до тех пор пока все готовили - и средства передвижения и провианты». Единичные случаи употребления данного показателя множественного числа, дают право указывать на то, что к концу 19-го столетия он уже вышел из широкого употребления, как в разговорном языке, так и в письменном, что привело к его субституции другими более активными аффиксами. Хотя еще в памятниках письменности 17-го века этот показатель является «наиболее универсальным и частым» [Яхонтова, 1996, с. 42, Бадмаев, 2001, с. 87].

В тексте памятника наблюдается наращивание дополнительного показателя множественности, например: *ноуон* «нойон» - *ноуодууд* «нойоны». Нам представляется верным предположение профессора Ц. Б. Цыдендамбаева, отметившего, что «ослабление значения множественности имен и в связи с этим необходимость усиления его путем удвоения показателей, по-видимому, обусловило появление составных показателей

множественности» [Цыдендамбаев, 1972, с. 337]

В языке «Хождения», кроме направительного, представлены те же падежи, что и в современном калмыцком: именительный, родительный, винительный, дательно-местный, орудный, совместный, соединительный и исходный

В исследуемом памятнике суффиксами родительного падежа являются следующие форманты *-yin*, *-iyin/-ayin/-üyin*, *-giyin*, *-i*, *-ai/-ei,-e/-a/-a*, *a:n/an*. В классическом монгольском языке при образовании родительного падежа имена с любым конечным гласным принимали показатель *-yin*, с конечным согласным *n* – *-u/-ü* с любым другим конечным согласным *-un/-ün* [Бобровников, 1849, с. 88-90; Санжеев, 1964, с. 63]

Интересно отметить тот факт, что при образовании родительного падежа в некоторых случаях употреблен показатель *-a:n/-an*, свойственный торгутскому диалекту калмыцкого языка. Причем в некоторых словоформах этот формант используется параллельно основному аффиксу генитива. Сравнить *uulayin bel* (54) «подножье горы»; *uula:n ö:dö yara:d* (41) «взобравшись на вершину горы», *uula:n üzüür* (47) «пик горы»

Родительный падеж, будучи «семантически весьма разнообразным», выполняет «широкую грамматическую связь между именами самых различных значений» [Орловская, 1984, с. 29]. В исследуемом памятнике генитив выполняет следующие функции: 1) принадлежности; 2) отношение части и целого; 3) отношение предмета ко времени; 4) как средство грамматической связи значимого слова с послелогом. *tölö:tölö* «ради, для, за, чтобы»; *dergedz/dergedki* «около, рядом, перед, при, у»; *de:re* «на, более»; *doro* «под»; *ömönö/ömönökön* «перед, пред»; *dotoro/dotor* «внутри, в, среди»

В «Хождении» ко всем именам при образовании аккузатива присоединяются следующие показатели *-yigi*, *-iyigi*, *-gi*. Основная функция имени в винительном падеже – это функция прямого дополнения и обозначение одушевленного или неодушевленного объекта при переходном глаголе. При этом прямое дополнение может выступать как с показателями винительного падежа, так и без них.

В языке «Хождения» датив-токатив образуется при помощи аффиксов: *-du--dü/-tu--tü*. Дательно-местный падеж осуществляет широкую грамматическую связь между именами выражение различных косвенных дополнений и обстоятельств времени, места.

В языке «Хождений» имеют место следующие показатели орудного падежа: 1) после основ на краткий гласный звук, и на согласные по закону сингармонизма *-a:r*, *-e:r*, *-i:r*, *-o:r*, *-ö:r*, при этом неустойчивый *-n* основы слова выпадает: *alta:r* «золотом», *möri:r* «лошадью» *baqana:r* «столбом». 2) после основ с конечными долгими гласными

или дифтонгами, и к словам с конечным неустойчивым *-n* . но с предшествующим долгим гласным, а также с конечным *-ng* присоединяются аффиксы *-ya:r*, *-gi:r*, *-ge:r*, *-gö:r*: *köbö:gö:r* «берегом», *arsalangya:r* «рублем» Орудный падеж имеет весьма широкий круг значений, но основной функцией этого падежа является выражение значения орудия или средства действия

Совместный падеж в исследуемом памятнике оформляется посредством суффикса – *-tai/-tei*, а также зафиксированы единичные случаи употребления форманта *-tu/-tü*. Существенных различий в употреблении этих двух показателей не отмечается, но в некоторых случаях они могут нести различную семантическую окраску. По мнению профессора Г.Ц. Пюрбеева «суффикс *-tai/-tei* может подчеркивать предметный характер обозначаемого, а *-tu/-tü* его признаковость» [Пюрбеев, 1990, с. 37]. В большинстве случаев существительные совместного падежа встречаются в значении имеющий что-либо, обладающий чем-либо.

Соединительный падеж в исследуемом письменном памятнике оформляется суффиксом *-la:/-lai/-la:i/-le:/-lei/-luya*. Этот падеж был распространен в старописьменном монгольском языке, но в современных монгольских языках, он отсутствует, сохранившись только в калмыцком. В двух случаях зафиксировано употребление архаической формы соединительного падежа *-luya* Причем оба раза она присоединяется к причастной форме слова Например: *Manai oros qa:nai medeldü bayigči qalimag ulus, teyimi ulustiyigi gelüng geži nere:dedeg-luya: adali* (23) «подобно тому как называют таких людей “гелюндами” калмыки. находящиеся в подданстве нашего русского царя»;

Традиционно, показателем исходного падежа в ойратском языке является суффикс *-e:se*, не имеющий сингармонических вариантов. В исследуемом памятнике наряду с этим формантом широко используются показатели, характерные для разговорного языка: *-o:su/-a:su/-e:sü/-e:se/-a:sa* Исходный падеж имен в языке «Хождения» обозначает: 1) отправную точку любого действия или состояния в движении; 2) временные отношения; 3) сравнение

В тексте «Хождений» образование двойного склонения зафиксировано лишь с основой совместного падежа. Например *ba:ya sa:ya yuuman qariudiyin edleber cö:n mönggöteyigi 2 abdar yuuman tiyizele:d* (40) «запечатали в двух сундуках кое-какие мелочи, необходимые на обратном пути, с небольшим количеством денег».

В исследуемом памятнике отмечены случаи употребления грамматических показателей как личного, так и субъектного притяжений. Личное притяжение показывает принадлежность предмета какому-нибудь лицу и выражается личными

местоимениями в форме одного из трех лиц единственного или множественного числа в родительном падеже *Burqam* (11) «мой Будда», *buuγam* (48) «мое ружье», *Be:jing-inu* (116) «их/его Пекин», *nutuγa:sam* 14 (из моей страны).

Особо активно в памятнике употребляется безличное или субъектное притяжание, выраженное с помощью суффиксов *-a:n/-e:n//-yen*. Значение определяется падежной основой, к которой присоединяются эти показатели. Если в письменном ойратском языке «притяжательные суффиксы присоединяются только к существительному в форме винительного и дательного-местного падежей» [Яхонтова, 1996, с. 58], то в старописьменном калмыцком языке падежными основами являются 1 винительный *nōkōde:n* (13) «своего помощника»; *qoto:n* (86) «свою еду»; 2. дательный *sedkilde:n* (1) «в своей душе», *baišing-da:n* (94) «в своем здании»; 3. орудный *teme:ge:re:n* (24) «на своем верблюде», *nōkūde:re:n* (15) «своими помощниками», 4 совместный *ecegete:ge:n* (34) «со своим отцом»; *gelüngte:ge:n* (67) «со своим гелюнгом»; 5 исходный *nōkūdūde:se:n* (90) «от своих помощников»;

В разделе «Имя прилагательное» дается краткое описание прилагательных, которые встречаются в тексте памятника. По своему лексическому значению, грамматическим признакам и синтаксической функции они совпадают с соответствующими разрядами в современном калмыцком языке

Качественные прилагательные имеют две степени сравнения: сравнительную и превосходную. Следует заметить, что в монгольских языках эта категория имеет большое отличие от других языков. Она обладает совершенно специфическим набором средств своего выражения.

В исследуемом тексте сравнительная степень образуется с помощью исходного падежа. *doro γazar mongγol ulusa:su mōnggō:r qobur bolži medegdenei* (111) «кажется (они) беднее деньгами, чем низовые монголы»;

Конструкции, выражающие степень интенсивности какого-либо признака или его превосходство, образуются следующими способами: 1) Употребление специальных усилительных частиц или слов *yir, kecōū, yeke, deged, neng*. Например: *Erkešil deged yeke gekūyigi sonoso:d, bayibai bi* (22) «услышав, что власть его очень большая, я оставил это намерение»; 2) Полная редупликация качественных прилагательных. Например: *daquulži oruuludag qa:lγaci ulus, γarta:n urtu urtu mala:i barigsan yeke yeke beyetei ulus daquulži oruulunai* (78) «вводят и сопровождают привратники, люди огромного телосложения и держащие в руках очень длинные плети»,

В «Хождении» отмечены случаи употребления уменьшительно-ласкательных прилагательных образованные с помощью аффиксов *-šig/-qai /-qan*. Например *Usuni baya šig bayiži bide sayina:r yarba biden* (63) «так как воды было немного, то мы спокойно прошли»; *saviqan cengke:r kökө üzegdeži bayigsan* (92) «увидели красивое светло-синее»

В языке «Хождений» имена числительные встречаются достаточно часто, но представлены не всеми разрядами. Употребляются они для обозначения времени (число), указания возраста и количества действующих лиц.

Количественные числительные, указывающие на точное количество предметов, являются самой многочисленной группой числительных в памятнике. Данный разряд представлен и простыми, и сложными числительными: *nigen* (30) «один», *qoyor* (2) «два», *arban dolo:n* (56) «семнадцать».

Порядковые числительные указывают на порядок или расположение предметов. В исследуемом тексте эти числительные образуются с помощью наращивания к основе формантов *-duγa:r*, *-dugči/-dügči*. Важно отметить тот факт, что два последних показателя не зафиксированы в памятниках ойратского письменного языка более раннего периода [Бадмаев, 2001, с. 93, Сусеева, 2003, с. 320, Яхонтова, 1996, с. 63].

Разделительные числительные образуются от количественных с помощью суффиксов *-i:d/-e:d/-ge:d/-γa:d/-a:d*. В памятнике имеют место числительные, образованные от основ *nigen* и *qoyor*.

Собирательные числительные образуются от количественных с помощью суффиксов *-uula(n)/-uura(n)*. В предложении выполняют функцию обстоятельства: *talmaš gelünge:ge:n qoyuulan oči bara:lqaba biden* (67) «мы представились вдвоем с гелюнгом-переводчиком».

Ограничительные числительные выражают ограничение в числе. Образуются от основы количественных числительных с помощью аффикса *-qan/-uurqan*.

Кратные числительные образуются аналитическим способом, путем присоединения наречного послелога *dakiži* и слова *dabqur*. В предложении они употребляются как обстоятельство, например. *Ene kitadiyin qa:ni qutala balgad be:žing-inu yurbun dabqur kerem* (116) «столица этого китайского хана окружена тройной стеной».

Дробные числительные образуются путем сочетания двух количественных числительных. В памятнике несколько случаев употребления этих числительных, например *iregsen yurbun mörinei nigeni una:d* (103) «из трех лошадей оседлал одну».

Местоимения в языке «Хождения» представлены следующими группами

Личные местоимения *bi* «я», *bide(n)/bida(n)* «мы», *ta* «вы». В памятнике не зафиксировано употребление личного местоимения 2-го лица единственного числа *чи* «ты». Что касается местоимений 1-го лица обоих чисел и 2-го лица мн числа, то они присутствуют в той же форме и в современных монгольских языках, в том числе и в калмыцком. Следует отметить что, в памятнике местоимение *bide(n)/bida(n)* «мы» встречается как в усеченной форме, так и с конечным *-n*. К тому же в косвенных падежах местоимение 1-го лица мн числа параллельно имеют основы *biden-/bidan-* и *man-*, которые исторически восходят к древним местоимениям – инклюзивному *bida* и эксклюзивному *ba*.

Указательные местоимения *ene* «это», *ede* «эти», *tere* «тот», *tede* «те», *eyimi/iyimi* «такой как этот», *teyimi/tyimi* «такой как тот» могут замещать название предмета (лица) и/ли название ситуации.

Возвратное местоимение в памятнике представлено следующими формами: традиционно-книжной *öbörön/ öbör* «свой» и разговорной *ebere:n* (в современном калмыцком языке имеет место форма *эвэ*) и форма *beye*. Довольно часто они оформляются аффиксом субъектного притяжания *ebere:n, öböre:n, beye:n*. Кроме того, к местоимению *beye* могут наращиваться показатели личного притяжания, например: *beye-ni* «сам он», *beyem* «сам я». Следует отметить, что форма возвратного местоимения *beye* отсутствует в письменных памятниках 17 века, но зафиксирована в письмах калмыцких ханов начала 18 века [Бадмаев, 2001, с. 93, Сусеева, 2003, с. 320; Яхонтова, 1996, с. 63]. Более того, в исследуемом памятнике это местоимение имеет стройную парадигму склонения.

К разряду определительных местоимений относят слова, указывающие на совокупность лиц, предметов: *busu* «другой», *bügüde, бүгүде:r, qamug* «все, весь», *zarim* «некоторый, некто», *büri, tus бүри* «каждый». Все они, как и указательные местоимения, способны употребляться субъективно и адъективно. При объектном употреблении они могут склоняться *Bide cigi zarim-du yabu:r yabuži bayinai* (101) «Иногда мы двигаемся пешим ходом».

Вопросительные местоимения представлены следующими словами: *yuuu* «что?», *ken* «кто?», *ali* «какой?», *aliki* «который?», *yambar* «какой?», *yamaran* «какой?», *keze:* «когда?». Все они могут без изменения формы употребляться и как неопределенные местоимения.

Количественные местоимения *«edüi/edüü», «tedüi/tedüü»* означают «столько». В предложении они находятся перед существительным или глаголом и служат для передачи величины, размера, количества. Например: *Mandu tedüü düngge bayiqu bolži*

kircegdebe (28) «И нам показалось столько же»

В разделе «Глагол» рассматриваются грамматические формы глагола.

В старописьменном калмыцком (ойратском) языке выделяется пять залогов действительный, страдательный, побудительный, совместный и взаимный

Страдательный залог в языке «Хождений» образуется от основ переходных глаголов с помощью суффиксов – *-gda/-gde* после гласных, *-da/-de/-do/-du* после согласного *-l*, например: *olqu* «искать» - *oldobai* «быть найденным», *bariqu* «держат, ловить» - *barigda:d* «быть пойманным».

Побудительный залог является наиболее высокочастотным в памятнике и образуется при помощи следующих формантов, выбор между которыми зависит от конечного звука основы: *-lʏa/-lge* – после основ, оканчивающихся на долгий гласный или дифтонг: *da:lʏaba* «поручать, возлагать», *buulʏabai* «спускаться»; *-uul/-iul/-öül/-üül* – после основ, оканчивающихся на краткий гласный, который при присоединении суффикса выпадает. В том случае, если основа оканчивается на *-i*, то он сливается с суффиксом: *bariulʒi* «делать подношение, велеть брать», *daquula:d* «вести за собой», *meddülbe* «сообщать, известить», *kürgüülkü* «сопроводить»; *-ʏa/-ge/- qo/-qa* – после основ оканчивающихся на согласный: *kürgekü* «провождать, сопровождать», *ʏarʏaʒi* «вытаскивать, извлекать», *bosqoʒi* «поднимать, устанавливать», *-o/-a*: - после некоторых основ оканчивающихся на краткий гласный: *zogsö:ʒi* «остановить», *ʒata:bai* «зажечь»

Согласно В Л. Котвичу, многочисленность каузативных показателей обусловлена тем, что в алтайских языках «мало самостоятельных глаголов со значением «приказать, просить, позволить» и т.д. и употребляются они только в специальных случаях» [Котвич, 1962, с. 197].

В языке «Хождений» выделяется изъявительное, повелительное, желательное и предостерегательное наклонение.

Система времен изъявительного наклонения, представлена формами настоящего, будущего и прошедшего времени. Значение настоящего времени формами глагола на *-nei/-ne, -nai/-na*; и причастными формами на *-dag/-deg; -a:/ai*

Прошедшее время оформляется следующими глагольными формами: форма на *-bai/-ba, -bei/-be, -boi/-bo*, форма на *-lai/-la:, -lei/-le:*, форма на *-ʒi/-či*. Помимо этих форм, в тексте активно используется причастная форма прошедшего времени на *-gsen/-gsan/-gson/-gsön*, выражающее законченное действие

Будущее время изъявительного наклонения в языке «Хождения» выражено формой на *-qu/-kü*, которая восходит к причастию будущего времени. Если данные письменных памятников 17 века «свидетельствуют» лишь «о тенденции к

вербализации» этой причастной формы, то уже данные памятника письменности исследуемого периода обнаруживают ее устойчивое употребление в качестве основного действия [Бадмаев, 2001, с. 120]

Императив представлен формами 2 лица ед. и мн. числа. Повелительная форма 2-го лица единственного числа не имеет специальных морфологических показателей, совпадая, таким образом, с основой глагола. Повелительная форма 2-го лица множественного числа образуется путем присоединения к глагольной основе аффикса *-gtün/-gtun*.

В языке «Хождений» при передаче данной формы зафиксировано несколько случаев использования разговорного форманта *-tan*, который, впоследствии, став более активным, вытеснил употребление показателя *-gtün/-gtun*. Например: *ese kücegseni Qazan balgasuna:su abtun geži za:ži qayirala:d qariba* (3) «Уехал домой, дав указание: «Чего не хватает, купите в Казани».

Желательная форма на *-su/-sü* 1-го лица выражает готовность говорящего совершить действие: *šülü uusü gebe* (59) «сказал: «Попью-ка я бульона».

С помощью аффиксов *-ye/-ya* образуется волонкатив, выражающий экспрессивные оттенки желания, намерения 1-го лица совершить действие. В этом случае говорящий адресует выполнение действия самому себе. Такое же значение этой формы находим и в ранних памятниках ойратского письменного языка [Бадмаев, 2001, с. 115]. Например: *Mini mörin... ene ayil-du qariu bucaži ireküde:n abuva ge:d üldebebi* (24) «оставил свою лошадь в этом аиле, сказав, что заберу ее назад, когда буду возвращаться»;

Форма желательного наклонения на *-tüni/-tügei/-tegei* выражает пожелание, разрешение совершить действие субъекту, выраженному 3-им лицом обоих чисел через 2-ое лицо. Например: *noyan nutug oloni töld: mörgöl örgötügei geži zöbšöl qayiralagsan* (2) «Сонзволив 'совершить поклонение', сказал: «Вознесите поклонение за правителей, страну и народ!»

Дубитатив в языке «Хождений» образуется посредством аффикса *-düzei/-uuzai*. Эта форма выражает предостережение или опасение, как бы не совершилось действие, которое является нежелательным. Например: *zuudu kürgül ügei qori:d baviyuuzai geži* (68) «как бы не задержали и не пустили бы в Тибет»

В монгольских языках причастные формы играют исключительную роль. Они обладают не только глагольными, но и именными признаками. Система причастных форм весьма разнообразна, внутри нее имеются резко противопоставленные друг другу группы причастий. В языке «Хождения» выделяют следующие формы причастий:

причастия будущего времени, образуется с помощью суффиксов *-qu/-kü*; причастие прошедшего времени, образуется при помощи аффиксов *-gsan/-gsen/-gson/-gsón*, причастие настоящего времени, образуется при помощи аффикса *-a*; однократное причастие образуется при помощи аффикса *-gǫi*; причастие многократного действия образуется от глагольной основы посредством аффикса. *-dag/-deg/-dog /-dög*

Деепричастия в калмыцком языке (как и во всех монгольских языках) представляют собой одну из самых важнейших и обширнейших грамматических категорий, благодаря своей сложной морфологической и семантико-синтаксической природе. Способность деепричастия выражать «отношения действий между собой» дает возможность разделять их на сопутствующие и обстоятельственные [Бобровников, 1849, с 305-306] **Сопутствующие** являются наиболее распространенными и употребительными, хотя к ним относятся только три формы – соединительное, разделительное и слитное. Форм обстоятельственных намного больше, но они имеют сравнительно ограниченное распространение.

Соединительное деепричастие образуется от основ производных и непроизводных глаголов действительного залога посредством суффикса *-ǫi/-ǫi* Соединительное деепричастие, прежде всего, служит для выражения действия, происходящего одновременно с основным действием. **Разделительное** деепричастие образуется с помощью суффикса имеющего следующие сингармонические варианты: *-i:/d/-a:/d/-e:/d/-o:/d/-ö:/d*. Разделительное деепричастие выражает в основном последовательность действий При этом одно действие может вытекать из другого, либо вообще не иметь логической связи друг с другом **Слитное** деепричастие образуется от основ непроизводных и производных глаголов действительного залога с помощью суффикса *-n* Данная деепричастная форма выражает одновременное действие, оно вместе с основным глаголом образует единое, как бы неразрывно-слитное понятие При присоединении постпозитивной отрицательной частицы *ügei* образуется отрицательная конструкция слитного деепричастия Между тем в монголистике существуют прямо противоположные мнения по поводу данного образования [Санжеев, 1963 с 239, Орловская, 1984, с 149; Бадмаев, 2001, с 142-143] Например: *Mönggön biǫiqan tuiuqai bolqula: ǫolo:d abul ügei goba:na* (36) «Если деньги плоховаты, то, пренебрегая, не берут, вызывая беспокойство»,

Обстоятельственные деепричастия в исследуемом памятнике представлена следующими формами: условное, целевое, предельное, продолжительное, последовательное, уступительное

Условное деепричастие является наиболее распространенной формой, оно

выражает действие, при условии совершения которого, происходит главное действие. Данное деепричастие образуется от основ производных и непроизводных посредством форманта *-qula:/-küle: (-qula/-küle)*. В памятнике зафиксированы случаи употребления условного деепричастия с наращением притяжательных частиц *-m/-mini/-tani/-ni*. Например *Möride:n ese öküle:tani, ene abugsan amis bolon maliytani ögüši ügei biden geži kele:d irebe* (60) «Вернулись, сказав: «Если вы не отдадите наших лошадей, то мы не отдадим этих людей и скот»»,

Целевое деепричастие обозначает такое действие, которое указывает непосредственно на цель действия, выраженного изъявительной формой глагола. Оно образуется посредством присоединения аффикса *-ke:r/-qa:r*. В ойратском литературном языке 17-го века это деепричастие образуется с помощью аффиксов *-kei/-qai* [Яхонтова, 1996, с. 98]. В исследуемом памятнике данное деепричастие малоупотребительно. Например *3 küü Kiyagtu-du ilgeke:r šiyyide:d* (13) «решив отправить 3 человек в Кяхту»

Предельное деепричастие обозначает степень или предел, до которого осуществляется главное действие, или результат действия, подчеркивающий его силу или интенсивность. Образуется с помощью форманта *-tala/-tele*. Например: *uulayin zabsara:r yarudag yol ö:dölöži sö boltala yaba:d* (102) «до наступления ночи поднимались вверх по реке, протекающей между горами»

С помощью суффикса *-gsa:r/-gser* образуется продолжительное деепричастие. Эта форма обозначает действие, в течение которого совершается основное действие, или действие, за которым сразу же происходит главное действие. Например: *Mör bologsa:r ene yazartu bičiqan usun bayiži* (58) «На наше счастье, в этом месте было немного воды»

Последовательное деепричастие обозначает действие, по окончании которого немедленно наступает другое. Образуется присоединением к глагольной основе форманта *-qula:ra:n/-küle:re:n*. Например: *dege:d unda:sa:d yabuqula:ra:n Dorži bide qoyor niži:d cógócó usu uugsan...* (87) «Сильно запалившись, мы с Дорджи выпили по чашке воды».

Уступительное деепричастие обозначает такое действие, вопреки которому совершается действие основного глагола. Данное деепричастие образуется от формы недавнопрошедшего времени изъявительного наклонения на *-ba/-be/-bo* с уступительной частицей *čigi*. Причем в памятнике прослеживается параллельное использование как аналитической, так и синтетической конструкций форманта данной деепричастной формы. Сравнить, в совр. калмыцком языке аффикс *-вчн(-вч)*. Например: *Edenei qoşuunai yazarni uu yeke yazartai bolbačigi elesün yobi yeketei* (22) «Земли их хошуна хоть и обширные зато по большей части тесчаные»

В исследуемом памятнике зафиксированы следующие группы наречий времени, места и образа действия. По структурному составу они делятся на корневые и производные.

Из непроемных наречий времени можно выделить следующие слова *uridu* «раньше», *erte* «рано», *dang* «постоянно».

Интересно отметить, что в памятнике встречаются три формы слова «завтра», *marjaši / mangjadur / manajur* (ср. совр. калм. маньдур; совр. монг. маргааш, манагаар), причем, первая форма, в частотном плане, наиболее употребительна. Например *Tege:d marjaši 26 örüün nöüge:d ganggayin daba: daba:d, šara tala gedegtü qonobai* (15) «поэтому, откочевав завтра 26 утром, перешли перевал Данга и устроили ночлег в местечке Шара тала»; *ula: kürtül ügei öndör mangjadur gegse:r bayitala* (109) «подвод не доставало, поэтому говорили сегодня-завтра /прибудут подводы/»

Послелогн, выявленные в тексте памятника можно разделить на следующие группы: пространственные *de:re* «на, более», *doro* «под», *ötmönö/ötmönökön* «перед, пред», *dotoro/dotor* «внутри, в, среди», *dergede/dergedki* «около, рядом, перед; при, у», *zabsartu* «между», *kürtele* «вплоть до, до», *arudu* «за, сзади, после», *tala* «к, по направлению», *oyiro* «около, вблизи»; временные *turša:r* «в течение», *düngge/düngge-dü* «около», *zabsartu* «в течение, между тем как», целевые *tölä:tölä:dü* «за, ради». совместные *qamtu* «вместе», сравнения *adali* «подобный, похожий, словно, как», *düngge* «около», *metü* «подобно, словно», *kebei/kebe:r* «словно, будто, также».

По своему происхождению послелогн неоднородны, они соотносятся с отъемными, отглагольными и наречными словами. Из вышеприведенных примеров видно, что в конце 19 века процесс пополнения этих слов за счет различных частей речи столь же интенсивен, что и современном калмыцком языке.

В языке памятника определены следующие группы частиц

Лично-предикативные частицы *bi, bide, ta*; (в памятнике ни разу не встретилась частица 2 лица единственного числа *ši*); Вопросительные частицы *-uu/-üü/-yü* употребляются в предложениях вопросительной конструкции. Подтвердительные частицы и слова *món/ laban/ yuuma/ yuuman* подтверждают достоверность высказывания; Усилительно-выделительная частица *šigi* усиливает общее утвердительное значение слова; Модальные частицы и слова «придают всему высказыванию различные оттенки субъективного характера», например такие как совет, колебание, недоумение, иронию, удивление, недоверие и др. В исследуемом памятнике встречаются следующие единицы данной группы: *yir, biyiza, ži/ žige/ žigen/ žiyan, biltei, kebei*. Дефиниция данной группы не ограничивается вышеуказанными частицами и

словами, так как в выражении всего богатства субъективно-модальных оттенков и экспрессивных значений участвуют и утвердительные, и вопросительные, и усилительно-выделительные частицы в сочетании с другими частицами или же самостоятельно. В языке «Хождений» встретились следующие отрицательные частицы препозиционные *ese, ülü, bičigei* и постпозиционные *ügei, biši, -š*, «не».

ГЛАВА III ЛЕКСИКА посвящена анализу лексических средств языка памятника

Лексико-семантическое своеобразие языка «Хождений» заключается в следующем. Во-первых, являясь произведением «географической» литературы, в нем в огромном количестве изобилуют топонимы, гидронимы, ойконимы, оронимы и т.д., во-вторых, в зависимости от сословной принадлежности автора к буддийской церкви и оттого, что путешествие было осуществлено к буддийским святым местам, произведение богато буддийско-религиозными терминами. Исходя из этого, лексический состав исследуемого произведения можно условно разделить на три большие группы: общеупотребительная лексика, «географическая» лексика и религиозно-буддийская лексика.

Общеупотребительная лексика представлена следующими пластами:

Термины родства и названия людей по возрасту и полу: *aqa* (64) «старший брат», *kögšin* (9) «старый», *mede:tei küün* (36) «пожилой человек» и т.д., Названия частей тела: *ūsun* (18) «волосы», *toloγai* (57) «голова», *köl* (85) «нога», *köliyin tabag* (85) «стопа ноги», *nyryun* (119) «спина» и т.д., Названия стихийных явлений и неживой природы, времен года и частей суток: *šuurγan* (64) «метель, вьюга», *möndör* (64) «град», *balčig* (50) «грязь» и т.д., Названия обозначающие род деятельности человека: *bagši* (9) «наставник, учитель», *emči* (41) «врач, лекарь», *zuučin, zuulčin* (56) «пилигрим, странник» и т.д., Названия животных, насекомых: *atan teme:n* (49) «холощенный верблюд», *qayidag ingge* (49) «доящаяся верблюдица, бросившая верблюжонка», *bars* (43) «тигр» и т.д., Слова, относящиеся к материальной культуре монгольских народов (названия одежды, материалов, изделий из кожи, утвари, пищи, напитков, злаков и т.д.): *labšig* (34) «халат», *malaγai* (34) «шапка», *qubcan* (3) «одежда, вещи», *šalbuur* (15) «штаны, брюки», *išigei* (18) «войлок», *no:sun* (39) «шерсть», *kubung* (69) «хлопок, хлопчатый» и т.д.,

Содержание произведений жанра путевых записок заключается в показе многообразной, детализированной панорамы социальной действительности, какой ее увидел, понял, оценил и охарактеризовал автор, что предполагает употребление в большом объеме «географической» лексики (топонимов, гидронимов, ойконимов, оронимов, этнонимов и т.д.):

Названия населенных пунктов, местности: *Amdo*: (35) «Амдо, название местности», *Alašan* (10) «Алашань, название местности», *Aqaš balyasun* (2) «г. Царицын», *Šartuu ƙo:rod* (2) «г. Саратов» и т.д., Названия водных объектов *Dayitung müren* (26) «р. Дайтунг», *Bayikal dala* (6) «оз Байкал», *Sösöni yol* (55) «р. Сэсен», *Qabtayai ula:n müren* (57) «р. Хабтагай Улан» и т.д., Названия народностей, родов (около двадцати): *agilcan* (65) «аангличане», *bura:d* (19) «буряты», *balbu* (76) «непальцы», *ƙolog* (65) «голоки», *qalimag* (51) «калмыки» и т.д., Названия различных учреждений и объектов: *bangƙa* (6) «банк», *tamožin* (117) «таможня», *tarangsaportayin ƙangtortu* (118) «транспортная контора», *yamun* (15) «ям, ямынь, официальное учреждение», *Zarya yamun* (105) «судебное учреждение» и т.д., Названия административно-территориальных единиц. *ayil* (21) «поселение», *ayimag* (39) «аймак», *oron yazar* (82) «страна», *qošuun* (19) «хошун» и т.д.,

Сословные названия и титулы (светские) *qa:n* (1) «хан», *Orosiyin qa:n* (117) «Русский царь, император», *Bogdo qa:n* (21) «Богдыхан, правитель Кумая», *qatun* (22) «ханша», *tayizinar* (47) «тайджи. дворяне», *albatu* (1) «податные» и т.д., Названия средств передвижения, снаряжения, экипировки, провизии и т.д. *ači:n* (14) «груз, поклажа», *yal kerem* (3) «пароход», *mórin pošitu* (4) «почтовые лошади», *kólgó:n* (7) «средство передвижения, транспорт» и т.д., Меры длины, расстояния, веса, денежных единиц: *sóm* (46) «пядь», *alda* (34) «сажень», *aršin* (64), *aršim* (3) «аршин», *duun* (18) «верста», *caƙan mónggön* (21) «серебро», *pud* (13) «пуд (равен 16 кг)» и т.д.,

Религиозным характером произведения объясняется тот факт, что текст изобилует буддийскими терминами:

Термины, обозначающие общие буддийские понятия *adis* (107) «благословение, от санскр *Adhichhana* 'благословение'», *abural* (10) «спасение, избавление, прибежище» и т.д., Термины, относящиеся к духовенству *ubuši* (63) «мирянин, принявший духовный обет», *manži* (2) «манжи, низшая степень посвящения», *gecül* (1) «гецул, вторая степень монашеского посвящения (36 обетов)» и т.д., Термины, относящиеся к буддийскому ритуалу *barica* (1) «приношение», *diyan* (47) «созерцание» *Cam* (32) «религиозное представление», *Canid* (95) «Цанит, учение» и т.д., Термины, относящиеся к культовым предметам и названию учений *mangdal* (8) «священное блюдо», *zula* (5) «лампадка», *Ayuuƙayin cebang* (10) «Аюкайин Цебанг, название религиозного учения», *arša:n* (64) «святой напиток» и т.д., Термины, относящиеся к названиям буддийских храмов, монастырей и кумирен *Žarong kašuur suburyan* (9) «субурган Жаронг Кашур», *Daši-Lqonbo* (112) «Даши Лхунбо, название монастыря», *dacang* (74) «дацан», *kiyid* (97) «монастырь, скит» и т.д.,

В исследуемом памятнике старокалмыцкой письменности 19-го века «Хождение в Тибетскую страну малодербетского Бааза-бакши» встречается большое количество заимствованной лексики из русского языка.

Так как калмыцкий и русский языки имеют существенные различия между собой, поэтому освоение и адаптация заимствованных слов происходило не сразу, а в течение некоторого промежутка времени. Русскоязычные термины, нашедшие отражение на страницах исследуемого памятника письменности, подверглись серьезным изменениям в соответствии со звуковой системой заимствующего калмыцкого языка: 1) ударные гласные первых слогов заимствованных слов осваивались как долгие, непервых слогов как полудолгие и ясные *za:liyin* «род. п. от зал», *O:b* «р. Обь», *fo:rod* «город»; 2) появление протетического гласного в местах скопления согласных, вызванное необходимостью облегчения произношения: *kirepiči* «кирпич», *istančan* «род. п. от станция», *taragta* «тракт», *usutul* «стул» 3) графическое оформление новых звуков посредством графем-галиков или с помощью знаков, обозначающие близкие по звучанию фонемы заимствующего языка. Например, графема-галик «пяф» Ψ передает смычный звук [p]. Например *paraqed* «пароход», *patiriyin* «род. п. от patir» (квартира)».

В **Заключении** подводятся итоги и формулируются основные выводы.

Лингвистическое источниковедение представляется одним из самых перспективных направлений в современной монголистике. В связи с этим в работе предпринята попытка специального исследования литературного памятника старокалмыцкой (ойратской) письменности оригинального жанра хождений с точки зрения лингвистики и введения в научный оборот новых материалов, вскрывающих особенности языка определенного исторического периода. Это позволило проследить развитие старокалмыцкого (ойратского) письменного языка в грамматическом аспекте, уточнить ранее бытовавшие в языке формы, проследить их развитие и преемственность.

Графо-фонетический анализ текста памятника позволяет сделать предположение о том, что уже к концу 19 столетия живая речь калмыков знала два новых гласных звука – [э], восходящий к двослогу *-ayı-* и дифтонгу *-ai*) и [э], образованный влиянием гласного [i] непервого слога на гласный [a] предшествующего слога. Процесс их образования обязан перелому гласного [i], который начался с середины 18-го века и полностью завершился к концу 19-го века. Однако, на письме эти фонемы не имели буквенного оформления

Можно считать, что к концу 19-го века живое произношение калмыцкого языка уже строго дифференцировало фонемы [z] и [ž], [c] и [č], вне их звукового сочетания с гласной [i], и требовало такого же отражения на письме. И если для обозначения [ž] уже

последовательно применяются собственные графемы, то для передачи звука [ɕ] в тексте памятника специальной графемы не наблюдаем.

Система имен языка «Хождения» в общем совпадает с системой современного калмыцкого языка. Вместе с тем в исследуемом тексте зарегистрированы некоторые специфические особенности. Например, употребление показателя множественности *ниүүд*, который в современном калмыцком обнаруживает себя, как застывшая форма, лишь в нескольких словосочетаниях. Причем в памятнике также зафиксирован сингармонический вариант этого форманта – *нөгүүд*, который возник, как нам представляется, в старописьменном калмыцком языке 18-го века, так как в письменных памятниках ойратского языка 17-го века «он не имеет сингармонических вариантов»

Сравнительный анализ языка памятника, содержащий разноречие в употреблении показателей падежа принадлежности – *-yin, -iyin/-ayin/-üyin, -giyin, -i, -ai/-ei,-e/-a/-a, a:n/an*, и современного калмыцкого языка, в котором выделяются следующие показатели генитива – *-а,-ә/-ин,-ын,-гин/ -н*, указывает на то, что письменный язык на рубеже 19-20 веков претерпевает сильное влияние живой речи, где уже произошли существенные изменения. Поэтому автор наряду с традиционным архаичным оформлением родительного падежа, в большей степени отдает предпочтение живым, устным формам

В исследуемом тексте порядковые числительные образуются с помощью наращивания к основе формантов *-дуя:r, -дугѳi/-дүгѳi*. Важно отметить тот факт что два последних показателя не зафиксированы в памятниках ойратского письменного языка более раннего периода. Мы предполагаем, что аффикс *-дугѳi/-дүгѳi* были присущ живому произношению ранее второй половины 18 века. Вероятно, далее, под влиянием разговорной речи он, выступая в роли универсального показателя, постепенно вытесняет из употребления общемонгольский *-дуя:r*. Что, в свою очередь, объясняет довольно частое применение в тексте «Хождения» аффикса – *-дугѳi/-дүгѳi*

Следует отметить, что форма возвратного местоимения *беуе* отсутствует в письменных памятниках 17 века, но частично зафиксирована в письмах калмыцких ханов начала 18 века. Более того, в исследуемом памятнике это местоимение имеет уже стройную парадигму склонения.

Большой интерес представляет такая особенность старописьменного калмыцкого языка, отразившаяся на его современном состоянии, – как редукция гласных непервых слогов. В результате этого процесса фонетическое различие стало стираться, что привело к появлению так называемых каузативных дублетов, например *белдүлх-белдкх* «подготавливать, готовить», *хоршах-хоршутх* «копить, накапливать»

Будущее время изъявительного наклонения в языке «Хождения» выражено формой на –*qu/-kii*, которая восходит к причастию будущего времени. И если данные письменных памятников 17 века «свидетельствуют» лишь «о тенденции к вербализации» этой причастной формы, то уже данные памятника письменности исследуемого периода обнаруживают ее устойчивое употребление в качестве основного действия.

Группа обстоятельственных деепричастий в исследуемом памятнике представлена следующими формами: условное, целевое, предельное, продолжительное, последовательное, уступительное.

Анализ письменного памятника показывает, что наречие на рубеже 19-20 веков образуется и пополняется за счет тех же ресурсов, что и в современном калмыцком языке.

В языке «Хождения» послелог *dergede* использован автором, в различных словоформах, около десяти раз. Этот послелог встречается и в ойратском литературном языке 17 века [Яхонтова, 1996, с 101]. Следует отметить что, по сравнению с современным монгольским языком, в современном калмыцком языке данный послелог не употребляется.

В памятнике наиболее употребительна модальная частица *zi/ zige/ zigen/ ziyar*. вполне вероятно, это связано с тем, что данная частица восходит к древней книжной форме *aji* (<*ajuui*), выступавшей в качестве глагола-связки при именах и причастиях. В современном калмыцком языке ей соответствует частица – *ж*.

С точки зрения лексико-семантического своеобразия языка «Хождений», можно выделить три основные тематические группы: нейтральная лексика, «географическая лексика» и буддийско-религиозная лексика. На рубеже 19-20 веков из русского и через русский в калмыцкий язык интенсивно поступает, большое количество заимствованной лексики, причем как устным, так и письменным путем.

Язык «Хождения» База Менкеджуева отражает качественно новый этап развития калмыцкого языка конца XIX – начала XX веков, характеризующийся закономерным сближением фонетических, грамматических, лексических норм литературного языка с живой народной речью

Приложения содержат индекс словоформ памятника, а также латинскую транслитерацию текста памятника.

Основные положения диссертации отражены в следующих научных публикациях:

1. К вопросу о частицах (по архивным источникам 18 века) // Калмыки и их соседи в составе Российского государства. Материалы международной научно-практической конференции. Элиста, 2002 – 0,2 п.л
2. Своеобразие жанра путешествий («хождение») к святым местам (на примере русских татарских и калмыцких источников). Элиста, 2003 – 0,6 п.л.
3. «Исторический контекст «Сказания о хождении в Тибетскую страну малодербетовского Бааза-багши» создатель памятника» // Проблемы и методы современной лингвистики. М., 2003. – 0,15 п.л
4. «Своеобразие жанра путешествия в калмыцкой литературе» // «Монголоведение в новом тысячелетии» (к 170-летию организации первой кафедры монгольского языка в России) Материалы международной научной конференции Элиста. 2003 – 0,3 п.л.
5. Графо-фонетическое освоение русских заимствований в памятнике старокалмыцкой письменности «Хождение в Тибетскую страну малодербетского Бааза-багши» // Проблемы этнокультурных связей монгольских и тюркских народов. Материалы Всероссийской научной конференции Улан-Удэ. 2004 – 0,2 п.л.

Подписано в печать *24.12.* 2004 года. Заказ № *92*.
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. *1,5*. Тираж *100* экз.

Отпечатано на ризографе в отделе оперативной печати и информации
Химического факультета МГУ.

2006-4

1994

№ - - 672